

Юрий БЕЛЯЕВ: «Лучшие актеры – существа среднего рода»

Виктор МАТИЗЕН

Одну из самых необычных киноролей последнего времени сыграл недавно актер Юрий Беляев в фильме Виктора Мережко «Красная комната». Ему досталась роль режиссера, похожего на... Виктора Мережко. О своих ощущениях от этой работы и о нелегкой актерской судьбе Беляев, больше известный столичной публике по работе в Театре на Таганке, рассказал после съемок обозревателю «Новых Известий».

– Юрий Викторович, почему Мережко предложил эту роль именно вам?

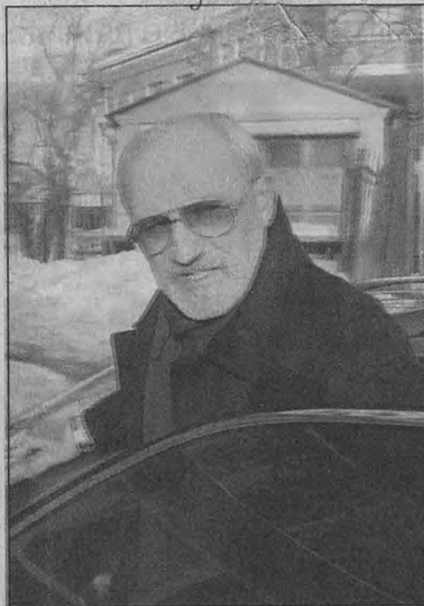
– Сначала он хотел сыграть ее сам. Но ему, видимо, сказали, что снимать фильм и одновременно играть в нем очень трудно. Тогда он решил воспользоваться нашим сходством.

– И вы без колебаний согласились?

– Вообще-то я не люблю играть людей кино и театра. Это как вшивому про вшей. Мне и себя неинтересно играть. Мне обязательно нужен партнер – режиссер, материал, тема. Но я сказал «да». По очень простой причине – в фильме не предполагалось стрельбы и крови. Я бы не хотел усложнять визуальную экологию – она и без того тяжкая.

– Мне показалось, что вам было не просто с ним работать. Часто приходится «сдаваться» воле режиссера?

– Профессия такая. В принципе, в этом есть свои преимущества, потому что с помощью режиссера ты можешь добраться до своего подсознания и подключить его к работе. Хотя в кино это редко бывает. Сейчас вот не получилось.

ИТАР-ТАСС. АЛЕКСАНДР КУРОВ

– В жизни вы пользуетесь чертами сыгранных вами персонажей?

– Все мои герои – мои учителя. Положение ученика для меня не только форма самозащиты, но и удобная позиция, при которой я могу уйти от ответственности, уклониться от скандала с человеком, который мне не нужен ни в качестве партнера, ни в качестве режиссера. Говоришь себе: «Дай-ка я поучусь у этого идиота». Я не настолько обеспеченный человек, чтобы соглашаться только на ту работу, которая мне интересна.

– С кем из сыгранных персонажей вы больше всего совпадаете как человек?

– С художником из «Единожды солгав».

– По каким качествам?

– По степени конформизма. Я не заигрывал так, как он, с партийно-государственной машиной, но несколько лет жизни был профсоюзным боссом, членом парткома, членом

худсовета, членом профсоюзного совета московских театров.

– Как это вас угоразило?

– С подачи Юрия Петровича Любимова. Я ему сказал, что знаю только две категории артистов: те, что играют, и те, что занимаются общественной деятельностью. Он ответил, что можно соединить одно с другим. Но получилось так, как опасался я. Это было мучительное время, потому что две эти ипостаси во мне так и не соединились. Хотя это был неплохой опыт. Для самоидентификации в театре – просто идеально. Я узнал его с таких сторон, с которых другие артисты не знают. И мог четко ориентироваться в этом болоте.

– В болоте?

– Я употребляю это слово не как ругательное. Болото со своими куликами, которые его хвалят, ругая все остальные. Мы, мол, занимаемся искусством, а они – неизвестно чем. Мне это все не нравится. Это не по-товарищески и непрофессионально. С другой стороны, театр – галера, которая продирается через болото. Ты весь в цепях, труд огромный, а КПД минимальный.

– Вы весьма критически относитесь к профессии актера...

– Потому что она представляет для меня определенную опасность. Это ведь женская профессия. Обратите внимание на то, кто у нас лучшие актеры. Существа среднего рода.

– Почему среднего?

– Мужская физиология в соединении с женской профессией. Таких, как Шукшин, как Высоцкий, то есть настоящих мужчин – очень мало. Прошу прощения за свою наглость, но это так. Мне неприятна моя женская сторона, мне неприятен мой конформизм, я не хочу быть среднего рода, я хочу быть мужиком. Хотя средний род в исполнительстве дает очень много преимуществ. Ахматова как-то сказала про Пастернака, что у него женская поэзия. Этим она подняла себя, но не унизила его.

– В партию вы пошли из конформизма, а не по убеждению?

– Был грех. Мною двигал элементарный страх остаться без работы. Он возник еще в институте. Это мои личные красные флажки. Я четыре года поступал. А худрук сказал, что если я получу красный диплом, да еще буду членом партии, мне гарантировано место в московском театре. Мне, который вставал в 4 утра и колотил лед на Арбатской площади.

– Профессия дворника предоставляла определенные преимущества. Жилье давали, и не худое.

– У меня было дворянское. Из старого фонда. Так что я коренной дворянин. От корня «двор».

– Сколько зарабатывали?

– Рублей 150–170 в месяц. Больше, чем в театре в первые годы. Там было 70–80.

– А в концертах выступали?

– Да, благодаря партийной деятельности я получил диплом чтеца. Мы ездили на Сахалин, в Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Калининград. Имели 30 гарантированных концертов в месяц. Иногда давали больше, до трех в день. По 8 рублей за концерт.

– Высоцкий с вами не ездил?

– Он выступал индивидуально. Из всех гастролеров у него и у Пугачевой были самые большие заработки.

– Вы хорошо его знали?

– Я бы не сказал. Просто работал с ним в одном театре.

– Сталкивались?

– Да, была у меня с ним одна история. Он некрасиво повел себя по отношению ко мне.

– Шерше ля фам?

– Нет, слава Богу. Если бы он был жив, я бы рассказал, а о мертвом не хочу. Тем более что очень его ценю. Все знали – если тебе нужны деньги, иди к Володе, он даст и не будет напоминать, чтобы вернул. Я этому тоже научился. К деньгам надо относиться просто.